
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА КАК ДРАЙВЕРЫ КУЛЬТУРОНОСНОСТИ

С.В. Иванова, З.З. Чанышева

Кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации
Факультет романо-германской филологии
Башкирский государственный университет
ул. Коммунистическая, 19, Уфа, Россия, 450074

В статье прослеживается влияние на современную общую и сопоставительную лингвокультурологию теоретических положений Джеффри Лича, касающихся семантики и прагматики языкового знака. Поставлена цель с опорой на концепцию Лича выделить драйверы культураносности в семантической структуре и прагматическом потенциале языковой единицы. Материал для анализа почерпнут из толковых и культурологических словарей и текстов на английском и русском языках. В соответствии с поставленной целью материал подвергнут дефинитивному, дистрибутивному, концептуальному, контекстуальному, прагматическому и лингвокультурологическому анализу. Показаны два основных подхода к определению носителей культурной информации в рамках языкового знака. Особое внимание уделено лингвокультурологическому толкованию культурной коннотации. Выделяются два типа культурной коннотации: первичная и вторичная. Производится классификация культурных коннотаций по радиусу действия и охвату культурных пространств. Обосновываются основные свойства культурной коннотации как лингвокультурологической категории: выражение отношения, аксиологический характер, ассоциативность, когнитивность, прецедентность и стереотипность.

Ключевые слова: прагматика, семантика, лингвокультурология, культурная коннотация, культурный смысл, лингво-культурный код, лингвокультурологическая категория.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Значительность вклада Джеффри Лича в развитие идей современной лингвистики находит подтверждение в том, что предложенные им концепции, раскрывающие особенности функционирования языка как средства коммуникации, доказали свою эвристичность в рамках вновь возникающих направлений современной антропоцентрической парадигмы языкознания.

Одной из таких продуктивных идей, нашедших отражение и использование в работах многих исследователей, является толкование Джеффри Личем прагматического потенциала языковых единиц. Кроме огромного вклада Дж. Лича в теорию прагматики, нельзя переоценить и его роль в том, что касается разработки семантической теории. Выделение различных компонентов значения, которые в совокупности представляют собой семантический облик языковой единицы, является предтечей тех направлений лингвистических исследований, которые приобрели особую актуальность на рубеже XX—XXI вв.

С точки зрения Дж. Лича, значение языковой единицы представляет собой результат взаимодействия понятийного, ассоциативного и коммуникативного планов [1. С. 23]. Структура значения языковой единицы также отражает тот факт, что она существует для удовлетворения нужд коммуникации, в связи с ней и в ее рамках. Поскольку язык в понимании Дж. Лича — это средство, обеспечивающее

коммуникацию (a vehicle of communication [2. С. 139]), то одним из аспектов бытования языковой единицы, связанным с природой языка как средства общения, является прагматика. В свете данного подхода прагматика понимается Дж. Личем как следствие непосредственного использования языковой единицы: она представляет собой то, во что выливается семантика в процессе коммуникации [3. С. 1—4].

Такое понимание семантики и прагматики языкового знака не могло не оказаться широко востребованным исследователями, которые обращаются к изучению использования языковых единиц и дальнейшего системного закрепления этого использования. Речь в данном случае идет о теории и практике межкультурной коммуникации, общей и сопоставительной лингвокультурологии.

2. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках данной публикации хотелось бы остановиться на том, каким образом разработанные Джефри Личем теоретические положения, касающиеся семантики и прагматики языкового знака, повлияли на формирование и развитие лингвокультурологического направления современных лингвистических исследований. В более точной формулировке это означает выделение драйверов культурности в семантической структуре и прагматическом потенциале языковой единицы, что полностью соотносится с вектором исследования, заданным работами Дж. Лича.

Как известно, лингвокультурология изучает механизмы взаимодействия языка и культуры и ставит задачу определения того, где в языковой единице бытует связующий их компонент. Базовым для этого направления является положение о том, что тесное и многообразное взаимодействие языка и культуры обусловлено их совместным существованием в общем семиотическом пространстве [4. С. 165], в котором обе означенные выше сущности существуют «неразрывно и одновременно неслиянно» [5. С. 13]. Проблема возникает при идентификации места драйвера культурности, то есть носителя культурной информации, относительно границ языкового знака.

В настоящее время представляется возможным говорить о существовании двух основных направлений в рамках лингвокультурологии, которые в той или иной степени оказались обусловленными предшествующими наработками в сфере прагматики и семантики языкового знака. Первое направление лингвокультурологических исследований направлено на обнаружение компонента, ответственного за передачу информации культурно-ценностного плана и совмещенного со значением языковой единицы. Второе обращается к идее культурной коннотации [6] и выстраивает лингвокультурологическую теорию вокруг создаваемых ею культурных смыслов, понимаемых как «культурно-усредненные представления членов некоторого социума об обозначенном данной единицей явлении действительности. Эти смыслы носят коллективный характер, образуя культурную сердцевину народа и являясь меткой принадлежности к „своим“» [5. С. 26].

Материалом исследования послужили лексические единицы, отобранные из английских и русских толковых словарей, а также словарей культуры. Кроме то-

го, исследование учитывает результаты прагматического анализа текстов на предмет выделения единиц с культурной составляющей в их значении.

Наряду с прагматическим анализом исследование потребовало обращения к таким методам лингвистического исследования, как дефинитивный, дистрибутивный, контекстуальный, концептуальный и лингвокультурологический анализ. Дефинитивный анализ направлен на уточнение значения лексической единицы, выделение сем, которые связаны с реализацией культурологической маркированности. Использование дистрибутивного анализа вызвано необходимостью изучения результатов сочетаемости языковых единиц. Контекстуальный анализ способствует выявлению прагматического значения языковой единицы, которое наиболее ярко проявляется в коммуникации. Концептуальный анализ позволяет выйти на ментальные образования (концепты, стереотипы) как на элементы культурных кодов. Наконец, лингвокультурологический анализ задействован при толковании культурной информации, переданной посредством языковых единиц.

3. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Опосредуя коммуникацию членов того или иного лингво-культурного сообщества, язык и культура функционируют как единое целое, как некий лингвокультурный код. Лингво-культурный код следует понимать как инструмент, который обеспечивает полноценную коммуникацию в пределах данного семиотического пространства и представляет собой систему лингво-культурных соответствий, обслуживающую коммуникативные нужды представителей данного лингвокультурного сообщества [7. С. 22]. Элементом лингво-культурного кода является языковой знак, содержательный план которого включает как языковое значение, так и информацию культурно-ценностного плана, передающуюся от поколения к поколению внегенетическим путем и сформированную стереотипами этнокультурного сознания [8. С. 61—62]. Интеграция информации культурологического плана может осуществляться посредством привлечения любой из сторон языкового знака: его семантики, синтактики и прагматики [7. С. 26]. Ракурс данной работы, связанный с теоретическим наследием Джеффри Лича, обуславливает обращение именно к прагматическому компоненту.

Как известно, прагматический слой значения слова «содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому словом объекту или к адресату сообщения, а также специфическую для данной лексемы информацию о тех речевых действиях, которые можно осуществлять с ее помощью» [9. С. 87].

Таким образом, коммуникативная природа прагматической информации, ее тесная связь с ситуацией общения и действующим в рамках данной ситуации *homo loquens*, носителем культуры, который следует культурным нормам и конвенциям общества, обуславливает ее культурологическую маркированность.

Так, сообразно прагматике английского прилагательного *cheap* не рекомендуется его использование в положительных контекстах, как например *It was cheap*.

Соответственно, русское выражение *Это дешево* желательно передать английским *It is a good bargain*, поскольку использование эквивалента *cheap* придаст английскому высказыванию отрицательную окраску. Примером из этого же ряда может быть функционирование английского прилагательного *rich*.

Лексема *rich* в отличие от близких по семантике слов *wealthy*, *affluent* в силу своей прагматики потенцирует отрицательный контекст, подтверждением чего может выступать словосочетание *stinking rich*, выражающий неприятие чрезмерного богатства. Среди англичан не принято кичиться достатком или выставлять напоказ материальное благополучие [10. С. 121]. Таким образом, прагматика, то есть использование языковой единицы, фиксирует культурологическую маркированность за счет локализации в языковой ткани точки сопряжения с ценностным пространством культуры.

4. КУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ

Чрезвычайно плодотворным для развития другого — основанного на выделении культурной коннотации — направления лингвокультурологии является понимание Джеффри Личем структуры значения языковой единицы. С точки зрения Дж. Лича, значение определяется взаимодействием семи компонентов: логического (концептуального), коннотативного, социального, аффективного, рефлексивного, коллокационного и тематического.

Особого внимания заслуживает предложенное Дж. Личем понимание коннотативного компонента значения языковой единицы. Проницательным в данном отношении является замечание Дж. Лича о том, что коннотативный компонент объединяет язык с другими коммуникативными системами, так как он отвечает за то, что передается поверх логического компонента. Кроме того, коннотативный компонент варьируется от человека к человеку и от коллектива к коллективу [1. С. 12—13]. Наряду с коннотативным Дж. Лич выделяет социальный компонент, указывающий на социальные параметры коммуникативной ситуации. Помимо этого значение языковой единицы содержит аффективный компонент, раскрывающий эмоциональный заряд говорящего. Важным для употребления языковой единицы оказывается рефлексивный компонент, передающий различные ассоциации, связанные с используемым словом.

Кроме этого, коллокационный компонент отражает сочетаемостные потенции единицы, а тематический компонент связывает языковую единицу с тема-рема-тическими отношениями в синтаксической единице более высокого уровня. За исключением логического и тематического компонентов, перечисленные пять других компонентов образуют ассоциативное значение лексической единицы [1. С. 14—19].

Данный подход к семантике позволяет сделать вывод о существовании культурной коннотации, которая содержит отсылку к коммуникативной среде, в которой функционирует языковая единица. Приверженцы данного направления лингвокультурологических исследований полагают, что культурную коннотацию це-

лесообразно искать не в дополнительных оттенках значения или созначениях, сопровождающих денотативный компонент и образующих вместе с ним нечто вроде слоеного пирога, а соответственно, обращаются к пронизывающим содержание слова коннотативным смыслам.

В рамках данного подхода культурная коннотация может быть представлена в виде первичных и производных от первичных — вторичных коннотаций как выразителей разных видов коллективно закрепленной оценочной информации.

Суть первичных культурных коннотаций состоит в том, что в процессе познания окружающего мира человек, выделяя некий предмет, экстериоризирует свое отношение к нему и закрепляет оценку в наименовании, пользуясь операциями сопоставления, обстоятельственной характеристикой, эмоциональной оценкой и т.д., что и образует зону первичной коннотации в содержании языкового знака. В некотором роде первичная коннотация близка к предложенному Г. Фреге понятию смысла как «пути, которым люди приходят к имени» [11. С. 45] или «способу представления обозначаемого данным знаком» [12. С. 354].

Интегрируясь в содержание языковой единицы и реализуя те или иные семантические категории, первичные культурные коннотации вызывают в сжатой и синтезированной форме ту ценностную информацию об объекте, которая известна о нем в данном коллективе (язык как инструмент классификации и интерпретации реальности конструирует общее понимание того, как устроен или должен быть устроен мир [13. С. 17]).

Эта культурная информация показывает, как в языковых значениях членятся явления окружающего мира в соответствии с разграничительными линиями, предписанными языком, и какая оценка закрепляется о них в общественном сознании. К примеру, английское *cabin* отражает квантитативную (*small*), квалификативную (*usu wooden*) и оценочную (*simple, roughly built*) первичную коннотацию. Первичные коннотации его русского соответствия, за исключением квантитативной (*небольшой*), иные: квалификативная (*скромное жилище; рыбацкая хижина; мазаная (т.е. из глины, сырцового кирпича, мелкого леса) хижина*), оценочная (*бедный домик; черная от старости*), локативная (*обычно на Украине или юге России*). Таким образом, первичные коннотации позволяют судить о социо-культурно значимой информации, соотносимой с данным типом строения.

На базе первичных культурных коннотаций развиваются производные коннотации, нередко под влиянием как этнокультурных, так и языковых факторов. Ценность вторичных коннотаций может быть установлена при помощи культурных знаков того или иного культурно-языкового коллектива. Таксоны культуры включают языки культуры в широком понимании (концепты, символы, стереотипы, модели поведения, прецедентные явления, ценностные установки, мифологемы и идеологемы), а также знаки кодов культуры (предметный, соматический, пространственно-временной, цветовой и т.д.).

Диапазон смысловых ассоциаций, рождаемых знаками культуры, достаточно широк: он включает ценностную идеологическую нагрузку и установки, стереотипы «своего» (близкого, родного, понятного) и «чужого» (далекого, незнакомо-го, непонятного), символы национальные и бытовые, представления о культурной значимости предмета, морально-нравственные оценки и философские представ-

ления о жизни и т.д. Так, английское (*log*) *cabin* развило вторичные положительные коннотации, связанные с прецедентным именем шестнадцатого президента Абрахама Линкольна, который родился в деревянной лачуге. На базе вторичной культурной коннотации происходит дальнейшее обобщение в результате метафорического переноса имени на любого президента/политика (*log cabin president/politician*), заявляющего, что он вышел из низов и готов отстаивать интересы простого народа [14. С. 779]. Еще одним примером вторичной культурной коннотации может служить понятие *gutter press* (ср. *бульварная пресса*), которое помечено в словаре *derogatory* (уничижительное) и дефинируется как *newspapers which tend to be full of scandalous stories about people's personal life* [15. С. 587]. Таким образом, если первичные коннотации возникают на предметном уровне и отражают национально-специфический способ осмысления объекта реальности, то вторичные коннотации развиваются на базе первичных под воздействием смыслопорождающей силы знаков культуры.

В зависимости от радиуса действия и охвата культурных пространств культурные коннотации могут быть универсальными (символика некоторых цветозначений) и, соответственно, они легко расшифровываются в межкультурном диалоге; регионально ограниченными, то есть воспринимаемыми представителями ограниченного или замкнутого региона; этнокультурными, а значит реализуемыми в рамках некоторого этноса; социумно-коллективными, существующими в пределах социальных групп; и, наконец, индивидуально-личностными.

Культурные коннотации, формирующиеся в пределах соответствующих пространств и интерпретируемые на указанных уровнях, являются обязательными атрибутами той или иной языковой единицы, существующей в рамках лингвокультурного кода. Например, социумно-коллективные параметры, определяющие не только вхождение людей в профессиональные группы, но и предписанные нормой ожидания в отношении поведенческих стереотипов, обусловили наличие культурной коннотации в словах, обозначающих профессии, преимущественно занимаемые людьми определенного пола. Так, слова *летчик/pilot*, *автор/author*, *полицейский/policeman* и др. имплицитно подразумевают мужчину как типичного представителя данных профессий, поэтому появление женщин в их рядах потребовало в рамках лексических единиц уточнителей в виде *женщина*, *woman*, *she* и др. (ср. *chairwoman*, *sportswoman*). Надо отметить, что в силу определенных социокультурных изменений, в дальнейшем и данные уточнения не остались неизменными, уступив место гендерно нейтральным единицам (ср. *athlete*, *chairperson*, *flight attendant* и т.п.).

Динамика культурной коннотации является неперенным ее качеством, поскольку она отражает изменения в лингво-культурном сообществе, находящемся в постоянном развитии и совершенствовании. Надо отметить, что Дж. Лич, говоря о коннотативном компоненте, подчеркивал его открытость и способность к постоянному изменению [1. С. 13]. Эмпирический материал показывает, что наличие культурной коннотации может быть скрытым фактором, вызывающим периодически появляющуюся необходимость эвфемизации обозначений концептов, которые обрастают отрицательными коннотациями. В этой группе оказываются на-

звания болезней, физические недостатки, разные уровни развития, малоприятные периоды жизни человека (как, например, старость). Когда отрицательные социокультурные коннотации становятся слишком очевидными, прибегают к тактике эвфемизации, хотя этот процесс не происходит равномерно в разных группах. Так, в современном английском языке предпочтительнее говорить об умственно отсталых людях как о *mentally/developmentally challenged* (вместо *mentally handicapped*), о людях с физическими недостатками — *physically challenged* (вместо *handicapped*), об инвалидах — *disabled person* (вместо *invalid, cripple*) [16].

В силу того, что культурные коннотации известны в пределах своего пространства, а коннотации чужого языка не сразу становятся очевидными, в практику общения может вводиться заимствуемый иноязычный эквивалент. В русском обиходе появляются иностранные слова типа *рэкетир, трэши, путана* и другие, прикрывающие истинный смысл русских лексем, выражающих соответствующие понятия: *бандит, литературный или художественный брак, проститутка*.

Основное отличие в семиотическом статусе между лексической (языковой) и культурной коннотацией заключается в том, что культурные ассоциации возникают первоначально в виде эмоциональных, оценочных и т.д. смыслов в сознании людей в незнаковом пространстве, но постепенно названия соответствующих объектов впитывают в себя повторяющиеся культурные коннотации, закрепляя их в статусе языковых. В результате коннотация проникает в семантику единицы, обогащая ее и создавая почву для развития на этой базе переносного значения и перевода в плоскость языкового знака регулярно повторяющихся коннотаций. Интерпретация культурных коннотаций преследует цель выявить культурно-ценностные смыслы, закрепившиеся на разных уровнях содержания.

Исследование культурной коннотации, предполагающее интерпретацию «коллективным бессознательным» этнокультурных ценностных смыслов в категориях или установках культуры, выводит нас в область национального культурного пространства, определяемого как «бытие культуры в сознании ее носителей» [17. С. 11]. Наиболее четко структурировано ядро национального культурного пространства, в котором формируются необходимо обязательные для всех членов данного национально-лингво-культурного сообщества знания и представления о кодах культуры. Так, например, в соматическом коде англосаксонской культуры *улыбка* может не иметь никакого отношения к положительным эмоциям человека, но функционировать как стереотипный формальный знак культуры, передающий этнокультурный смысл как знак отсутствия агрессивных намерений, желания ограбить или убить, знак принадлежности к данной культуре. Как известно, в западной культуре улыбка — не только обязательный компонент обслуживания, но и знак культуры, знак отсутствия враждебности по отношению к своему визави [18. С. 189]. В русской культуре словосочетания *дежурная улыбка, вежливая улыбка, формальная улыбка, напряженная улыбка, неизменная улыбка, скользкая улыбка, деланная улыбка, насильственная улыбка, гипсовая улыбка, холодная улыбка* и т.д. (см. [19. С. 475—479]) обладают отрицательной коннотацией, как, впрочем, и беспричинный смех свидетельствует с точки зрения русского языкового сознания о небольшом уме.

5. СВОЙСТВА КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Данная трактовка культурной коннотации как явления, отличного от лексической коннотации, исходит из определения ее статуса как базовой лингвокультурологической категории, выражающей такой вид ценностной культурно значимой информации, которая известна всем представителям определенного лингвокультурного сообщества формируется в ходе когнитивного освоения действительности и выполняет функцию метки принадлежности к «своему» пространству. Это означает признание за ней ряда категориальных признаков: она является выражением отношения, в основе которого лежит ценностная атрибуция, она ассоциативна, она выступает результатом рационального и чувственного познания, а значит, является когнитивной сущностью, и, наконец, она обладает свойством стереотипичности и прецедентности.

Культурная коннотация всегда является выражением **отношения** к предмету действительности, которое возникает как определенная точка зрения на него у представителей некоторого сообщества в процессе познания мира. Ф. Палмер отмечает, что слова в языке зачастую отражают не столько реалии мира, сколько интересы людей, которые говорят на этом языке [20. С. 21]. Благодаря тому, что «любая культура интериоризирует свои точки зрения, меры естественности или странности» [21. С. 35], человек воспринимает нечто в своем языке как само собою разумеющееся, а в другом языке — как необъяснимое с точки зрения здравого смысла. В ряде исследований М.М. Маковского показано, что в культурной сфере, связанной с религией и мифологией, отношение нередко репрезентирует идеи о сакральном, определяя традиционную культурную семантику символа. Причем в качестве объекта, к которому выражено этнокультурное отношение, могут выступать конкретные предметы, абстрактные понятия, модели поведения, ценности. Закрепляясь в семантике языковых единиц, культурная коннотация принимает форму языковой коннотации, определяя коннотативный потенциал единиц (ср. словарную статью в [22. С. 127] о фразовом глаголе *boss about/around*, который отмечен пометой *derogatory*, то есть имеет уничижительную окраску и дефинируется как *to give orders to sb in an unpleasant and forceful way*) и национально-этническую специфику содержания соотносимых единиц (ср. в русском языке лексема *спекуляция* помимо общего с *speculation* значения несет отрицательную коннотацию: *расчет, умысел, основанный на чем-либо, использование чего-либо в корыстных интересах*) [23. С. 1246].

Как видно из приведенных выше примеров, отношение к предмету приобретает **аксиологический** характер, поскольку освоение предмета происходит в контексте аксиосферы культуры, в результате чего закрепляются или вырабатываются ценностные ориентации и предпочтения данного коллектива [24].

В системе ценностей, включающих материальные, преходящие, вечные, духовные, высшие, ведущая роль отводится добру и другим ценностям, которые способствуют сохранению *homo sapiens* и его жизни на земле. В процессе формирования культурных коннотаций выступают разные виды оценки: рациональная

(осмысление объекта через соотнесение с установленным стандартом или нормой), чувственная (восприятие объекта с помощью органов чувств и соответствующее осмысление), эмоциональная (осмысление через соотнесение с эмоциональным кодом культуры) и др. Естественно, этнокультурное отношение не исключает возможности существования большого разнообразия личностных отношений у отдельных индивидов, но, по справедливому мнению И.М. Кобозевой, в отличие от других видов прагматической информации коннотация всегда содержит отсылку к языковому коллективу [9].

По своей сути культурная коннотация всегда **ассоциативна**, поскольку она непременно предполагает установление ассоциативных связей, основанных на знании языка и на опыте жизни в данном социуме и познания окружающего мира. Причем в отличие от непосредственных (прямых) ассоциативных связей (внутрисловных и межсловных) [25. С. 83] коннотативные ассоциации принимают вид опосредованных (косвенных), устанавливаемых по представлениям о предметах, действиях и качествах окружающего мира, а также по связи между вещами.

Важной и определяющей чертой культурно-коннотативных ассоциаций является их надындивидуальный общекультурный характер. Это качество культурно-коннотативных ассоциаций формируется в рамках «своего» пространства и делает их достоянием членов данного социума. Сопоставление культурных ассоциаций, вызываемых соответствиями в русском и английском языках, показывает значительные расхождения между ними: ср., с одной стороны, *мать* — *Родина-мать, мать-героиня, матери Беслана, материнский капитал, показать кузькину мать* и, с другой стороны, *mother* — *Mother Hubbard, the Mother of Presidents, the Mother of States, the Mother of Parliaments, Mother's Day* [5. С. 29].

Культурная коннотация как лингвокультурологическая категория является по сути и природе своей **когнитивной** сущностью, поскольку она возникает в ходе когнитивного освоения человеком мира и себя-в-нем и неразрывно связана со знаниями разного вида, как языковыми, так и неязыковыми.

Разрабатывая концепцию знака в его основной функции обеспечения социальной наследственности, М.К. Петров уже в 70-е гг. прошлого века определил суть знания как «типизированной, обобщенной, лишённой единичности, отметок пространства и времени программы деятельности» [21. С. 31]. Причем, как подчеркивает ученый, «линии разломов массива социально необходимого знания» и программирование деятельности в виде интерьера не носит универсального характера, например, фрагмент знания «водитель автобуса» и интерьер социально полезной деятельности водителя автобуса, включающий и сам автобус, и пассажиров, и дороги, и условия проезда и др., означают совершенно разное в странах Европы и в США.

В последние годы развитие получили идеи о языке как о сущности, сложнейшим образом переплетенной со знаниями людей о мире (Т. Виноград), что снимает жесткое противопоставление значения слова и энциклопедического знания о предмете. И.А. Стернин приводит убедительные доводы в пользу того, что «лексическое значение слова, понимаемое как закрепленное знаком отражение действительности, есть сжатое, концентрированное, общеизвестное знание о предмете

номинации, присущее обществу в конкретный момент его развития» [26. С. 16]. В данном подходе подчеркнута, что лексическое значение представляет, по сути, часть энциклопедического знания о предмете, общеизвестную для говорящего коллектива. Восприятие и формирование культурной коннотации происходит только на базе совокупных общих и культурных знаний, которые закрепляются в языке. Такое понимание культурной коннотации связано с подходом к слову как достоянию индивида [25], средству кодирования прежнего опыта и прежнего переживания [27. С. 10] и, соответственно, — к значению как интерпретации неязыкового содержания [28].

Культурная коннотация *прецедентна* и *стереотипна*. Это означает, что стереотипизации подвергаются все культурные знаки в процессе их устойчивого обращения в некой культурной среде. Это относится к концептам, образам, символам, мифологемам, ритуалам и т.д. Необходимо при этом подчеркнуть, что если в культуре непосредственно конкретный объект принимает на себя роль культурного символа, а в языке в роли знаковой сущности выступает слово как имя данного культурного объекта, то в лингвокультурологических знаках происходит соединение «слова» и «вещи», представлений, понятий и переживаний [11. С. 47—49]. Даже так называемые прецедентные явления, которые принято соотносить с прецедентными именами, ситуациями, текстами, выражениями, со временем стереотипизируются, поскольку связь с соответствующим прецедентом актуализируется в определенных временных рамках и может стираться из культурной памяти народа в изменившихся исторических условиях, продолжая свое существование лишь в форме некоторого стереотипа. Знаки культуры формируются в сознании человека, отражая в этнокультурной картине мира определенный опыт его познания. Так, в американской политической картине мира устойчивое место получил культурный знак *Watergate*, ассоциирующийся с политическим скандалом, связанным с нечистой предвыборной кампанией президента Ричарда Никсона. Однако с тех пор это понятие стереотипизировалось и служит обозначению любой нечистоплотности в мире политики, и, соответственно, по данной модели образуются уже новые названия, отсылающие к скандалам по тому или иному поводу, ср. *Irangate*, *Monicagate*, *Koreagate*, *Tunagate* и т.п.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обретая языковую плоть в мире языковой реальности, культурные коннотации, порождающие актуальные для человека культурные представления, образы, символы и другие проявления этнокультурных стереотипов, превращаются в сложный объект изучения, возникающий в результате взаимодействия содержательного мира культуры и содержательного мира языка.

Подытоживая наработки лингвокультурологов, необходимо еще раз подчеркнуть, что развитие данного направления лингвистических изысканий было подготовлено всей предшествующей исследовательской деятельностью языковедов, работающих в области прагматики и семантики языковых единиц. В этом отношении вклад Джеффри Лича в раскрытие природы языкового знака и сути языковой ком-

муникации напрямую связан с развитием лингвокультурологической теории, направленной на «живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [17. С. 9]. Его концептуальные находки позволили вплотную подойти к интерпретации эксплицитно выраженной и имплицитной информации, включающей культурную, а также к выявлению предпочтительных в данном языке способов ее индикации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Leech G.N.* Semantics: The Study of Meaning. 2nd edition. Penguin Books, 1974.
- [2] *Leech G.N.* Linguistics and the Figures of Rhetoric // Essays on Style and Language. Linguistic and Critical Approaches to Literary Style / Ed. by R. Fowler. London: Routledge and Kegan Paul, 1966. P. 135—156.
- [3] *Leech G.N.* Principles of Pragmatics. London & New York: Longman Linguistics Library, 1983.
- [4] *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: 'Языки русской культуры', 1999.
- [5] *Чаньшьева З.З.* Этнокультурные основания лексической семантики: автореф. дисс. ... док. филол. наук. Уфа, 2006.
- [6] *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- [7] *Иванова С.В.* Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: автореф. дисс. ... док. филол. наук. Уфа, 2003.
- [8] *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002.
- [9] *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- [10] *Fox K.* Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder, 2004.
- [11] *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001.
- [12] *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 351—379.
- [13] *Fowler R.* Linguistic Criticism. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- [14] Longman Dictionary of English Language and Culture. London: Longman Group Ltd, 1992.
- [15] Oxford Guide to British and American Culture / Ed. J. Crowther. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- [16] *Виссон Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М.: Р. Валент, 2003.
- [17] Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2004.
- [18] *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.
- [19] *Горбачевич К.С., Хабло Е.П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Ленинград: Ленингр. отд. «Наука», 1979.
- [20] *Palmer F.R.* Semantics. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- [21] *Петров М.К.* Язык, знак, культура. Изд. 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
- [22] Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Ed. J. Crowther. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- [23] Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
- [24] *Егоров В.К.* Еще раз об осмыслении культуры: чтобы новые предложения не затмили проверенные // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — С. 370—385.

- [25] *Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
- [26] *Стернин И.А.* Лексическое значение и энциклопедическое знание // *Аспекты лексического значения*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. С. 10—17.
- [27] *Кечкеш И.* Слово, контекст и коммуникативное значение // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика»*. 2014. № 1. С. 7—18.
- [28] *Сергеева Л.А.* Проблемы оценочной семантики: Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2003.

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF A LINGUISTIC SIGN AS CULTURAL INFORMATION DRIVERS

S.V. Ivanova, Z.Z. Chanysheva

Department of English Philology and Cross-Cultural Communication
Faculty of Romance and Germanic Philology
Bashkir State University
Kommunisticheskaya str., 9, Ufa, Russia, 450074

The article traces the influence of Geoffrey Leech's semantic and pragmatic conceptual theories on modern general and comparative cultural linguistics. The article aims to distinguish drivers of cultural information within the semantic structure and pragmatic potential of a linguistic sign. The material of the analysis is drawn from cultural and linguistic dictionaries as well as from English and Russian texts. The study implements definitive, distributive, contextual, pragmatic and linguocultural analyses. Two major approaches to determining cultural information carriers within the linguistic sign are established. The notion of cultural connotation is interpreted as a linguocultural category and paid special attention to. Two types of cultural connotation, primary and secondary, are singled out. Cultural connotations are classified due to their range of action within cultural space. The cultural connotation is seen as a linguocultural category marked by such features as relational, axiological, associative, cognitive, precedent and stereotypical character.

Key words: pragmatics, semantics, cultural linguistics, cultural connotation, cultural sense, linguocultural code, linguocultural category.

REFERENCES

- [1] *Leech G.N.* Semantics: The Study of Meaning. 2nd edition. Penguin Books, 1974.
- [2] *Leech G.N.* Linguistics and the Figures of Rhetoric // *Essays on Style and Language. Linguistic and Critical Approaches to Literary Style* / Ed. by R. Fowler. London: Routledge and Kegan Paul, 1966. P. 135—156.
- [3] *Leech G.N.* Principles of Pragmatics. London & New York: Longman Linguistics Library, 1983.
- [4] *Lotman Yu.M.* Vnutri myslyatchih mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya. M.: Yazyki russkoi kul'turi, 1999.
- [5] *Chanysheva Z.Z.* Etnokulturniye osnovaniya leksicheskoi semantiki: avtoref. diss. ... dok. philol. nauk. Ufa, 2006.
- [6] *Teliya V.N.* Russkaya phraseologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii I lingvokul'turologicheskii aspekty. M.: Yazyki russkoi kul'turi, 1998.
- [7] *Ivanova S.V.* Lingvokul'turologicheskii aspect yazykovih edinit: avtoref. diss. ... dok. philol. nauk. Ufa, 2003.

- [8] *Alefirenko N.F.* Poeticheskaya energiy slova. Sinergitika yazika, soznaniya i kul'turi. M.: Academia, 2002.
- [9] *Kobozeva I.M.* Lingvisticheskaya semantika. M.: Editorial URSS, 2000.
- [11] *Stepanov Yu.S.* Konstanti: Slovar' russkoi kul'turi: Izd. 2-ye, ispr. i dop. M.: Akademicheskii Proekt, 2001.
- [12] *Frege G.* Smysl i denotat // Semiotika i informatika. Vip. 5. M., 1997. С. 351—379.
- [16] *Wisson L.* Russkyeye problemi v angliyskoi rechi. Slova i phrazy v kontekste dvuh kul'tur. M.: R. Valent, 2003.
- [17] Russkoye kul'turnoye prostranstvo: Lingvokul'turologicheskii slovar': Vip. perviy / I.S. Bryleva, N.P. Vol'skaya, D.B. Gudkov, I.V. Zakharenko, V.V. Krasnykh. M.: Gnozis, 2004.
- [18] *Ter-Minasova S.G.* Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M.: Slovo, 2000.
- [19] *Gorbachevich K.S., Khablo Ye.P.* Slovar' epitetov russkogo yazyka. Leningrad: Leningr. otd. «Nauka», 1979.
- [21] *Petrov M.K.* Yazyk, znak, kul'tura. Izd-ye 2-ye. M.: Editorial URSS, 2004.
- [23] Bolshoy tolkoviy slovar' russkogo yazyka / Sost. i glav. red. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000.
- [24] *Yegorov V.K.* Etche raz ob osmysleniyi kul'turi: chtoby noviye predlozheniya ne zatmili proverennyey // Synergeticheskaya paradigma. Chelovek i obtchshestvo v usloviyakh nestabil'nosti. M.: Progress-Traditsiya, 2003. С. 370—385.
- [25] *Zalevskaya A.A.* Psiholingvisticheskiye issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbranniye trudi. M.: Gnozis, 2005.
- [26] *Sternin I.A.* Leksicheskoye znacheniyе i entsiklopedicheskoye znaniye // Aspekty leksicheskogo znacheniya. Voronezh: Izd-vo Voronezh. universiteta, 1982. С. 10—17.
- [27] *Kecskes I.* Slovo, kontekst i kommunikativnoye znacheniyе [Word, context and communicative meaning] // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzbi narodov [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia]. Series: Linguistics. 2014. № 1. P. 7—18.
- [28] *Sergeyeva L.A.* Problemy otsenochnoi semantiki: Monografiya. M.: Izd-vo MGOU, 2003.